

Солдат и русалка

Послал фельдфебель солдата в летнюю лунную ночь раков за лагерем в речке половить, - оченно фельдфебель раков под водочку обожал. Засветил солдат лучину, искры так и сигают, - тухлое мяско на калке-кривуле в воду спустил, ждет-пождет добычи. Закопошились раки, из нор полезли, округ палки цапаются, мясцом духовитым не каждую ночь полакомишься...

Только было солдат приноровился черных квартирантов сачком поддать, на вольный воздух выдрать, - шасть! кто-то его из воды за сапог уцепил. Тащит, стерва, из всей мочи, прямо напрочь ногу с корнем рвет. Уперся солдат растопыркой, иву-матушку за волосья ухапил, - нога-то самому надобна...

Мясо

живое кое-как из сапога выпростал, а сапог, к теткиной матери, в воду рыбкой ушел...

Вскочил он полуобутый, глянул вниз. Видит, русалка, мурло лукавое, по мокрую грудь из воды выплеснулась, сапогом его дразнит, хохочет:

- Счастье твое, кавалер, что нога у тебя склизкая! А то б не ушел... Уж в воде я б с тобой в кошки-мышки наигралась.

- Да на кой я тебе ляд, дура зеленая? Играй с окунем, а я человек казенный.

- Пондравился ты мне очень! Морда у тебя в веснушках, глаза синие. Любовь бы с тобой под водой крутила...

Рассердился солдат, босой ногой топнул:

- Отдай сапог, рыба кровь!.. Лысого беса я там под водой не видал, - у тебя жабры, а я б, как пустая бутылка, водой налил. Да и какая с тобой, слизь речная, любовь? На хвост-то свой погляди.

Тут ее, милые вы мои, заело. Насчет хвоста-то... Отплыла напрочь, посередь речки на камень присела, сапогом себя, будто веером, от волнения обмахивает.

Солдат чуть не в плачь:

- Отдай сапог, мымра! На кой он тебе, один-то? А мне, полуразутому, хочь и на глаза взводному не показывайся... Съест без соли.

Зареготала она, сапог на хвост вздела, - и одного ей достаточно, - да еще и помахивает. Тоже и у них, братцы, не без кокетства...

Что тут сделаешь? В воду прыгнешь, - залоскочет, просить не упросишь, - какое уж у нее, у русалки, сердце...

А она, с камешка повернувшись, кое-что и надумала:

- Давай, солдатик, наперегонки гнаться! Я вплавь по воде, а ты по берегу - вон до той ракиты. Кто первый достигнет, того и сапог. Идет?

Усмехнулся про себя солдат: вот фефела-то!.. Ужель по сухопутью легкие солдатские ножки нехристь пловучую не одолеют?

- Идет! - говорит.

Подплыла она поближе, равнение по солдату сделала, а он второй сапог с ноги долой, да под куст и шваркнул. Чтобы бежать способнее было...

Свистнула русалка. Как припустит солдат, - трава под ним надвое, в ушах ветер попискивает, сердце - колотушкой, медяки в кармане позвякивают... Уж и

ракита недалече, - только впереди на воде, видит он, вода штопором забурлила,

и будто рыба чешуя цыганским монистом на лунной дорожке блестит...

Добежал,

штык ей в спину! - плещется русалка супротив ракиты, серебряным голосом измывается:

- Что ж вы, солдатик, запыхавшись? Серьгу бы из уха вынули, бежать бы легче было... Ну что ж, давай повернем! Солдатское счастье, поди, с изнанки себя обнаруживает...

Повернулся солдат, и отдышаться не успел, да как вдругорядь дернет: прямо из кожи рвется, локтем поддает, головой лозу буравит... Врешь, язви твою душу,

- в первый раз недолет, во второй перелет, - разницей подавишься!

Достиг до первоначального места, глянул в воду, так фуражку о землю и шмякнул. Распростерлась рыба девка под кручей, хвост в кольцо свивает, солдату зеленым зрачком подмигивает:

- С легким паром! Что ж ты серьгу так и не снял? Экой ты, изумруд мой, непонятливый. Камушек пососи, а то с натуги лопнешь.

Сидит солдат над кручею, грудь во все мехи дышит. Стало быть, казенному сапогу так и пропадать? Покажет ему теперь фельдфебель, где русалки зимуют.

Натянул он второй сапог, что для легкости разгона снял, - слышит, под портянкой хрустит чтой-то. Сунул он руку, - ах, бес! Да это ж губная гармония, - за голенищем она у солдата завсегда болталась... У конопатого венгерца, что мышеловки в разнос торгует, в городе купил.

Приложился с горя солдат к звонким скважинам,дохнул, слева-направо губами
прошелся, - русалка так и вострепелась.

- Ах, солдатик! Что за штука такая?

- Не штука, дура, а музыка... Русскую песню играю.

- Дай мне. Ну-ка, дай!.. Я в камышах по ночам вашего брата приманивать буду...

«Ишь, студень холодный, чего выдумала! Чтоб землякам на погибель солдат ей
и способ предоставил же!.." Однако без хитрости и козы не выдоишь. Играет он,
на тихие голоски песню выводит, а сам все обдумывает: как бы ее, скользкую бабу, вокруг пальца обвести.

- Сапог вернешь, тогда, может, и отдам...

Засмеялась русалка, аж по спине у него холодок ужом прополз.

- Сойди-ка, сахарный, поближе. Дай гармонь в руках подержать, авось обменяю.

Так он тебе и сошел... Добыл солдат из кармана леску, - не без запаса ходил, - скрозь гармонь продел, издали русалке бросил.

- На, поиграй... Я тебе, - даром, что чертовка, - полное доверие оказываю. Дуй в мою голову!..

Выхватила она из воды игрушку, в лунной ручке зажала, да к губам, - глаза так светками и загорелись. Ан, вместо песни пузыри с хрипом вдоль гармонии бегут. Само собой: инструмент намокши, да и она, шкура, понятия настоящего не
имела... Зря в одно место дует, - то в себя, то из себя слюнку тянет.

- В чем, солдат, дело? Почему у тебя ладно, стежок в стежок, а у меня будто жаба на луну квохчет?

- А потому, красавя, что башка у тебя дырява... Соображения у тебя нет! Гармонь в воде набрякла, а я ее завсегда для сухости в голенище ношу.

Сунь-ка

ее в свой сапог, да поглубже заткни, - да на лунный камень поставь. Она и отойдет, соловьем на губах зальется. А играть я тебя в два счета обучу, как инструмент-от подсохнет.

Подплыла она, дуреха сырая, к камешку, гармонь в сапог, в самый носок честно забила, - к бережку вернулась, хвостом, будто пес, умиленно виляет:

- Так обучишь, солдатик?

- Обучу, рыбка! Козел у нас полковой, дюже к музыке неспособный, а такую красавицу как не обучить... Только, что мне за выучку будет?

- Хочешь, земчугу горстку я тебе со дна добуду?

- Что ж, вали. В солдатском хозяйстве и земчуг пригодится.

Мырнула она под кувшинки, круги так и пошли.

А солдат не дурак, - леску-то неприметную в руках дернул. Стал он подтягивать, - гармонь поперек в сапоге стала... Плюхнулся сапог в воду, да к солдату по леске тихим манером и подвалился.

Вылил солдат воду, гармонь выудил, в сапог ногу вбил, каблуком прихлопнул... Эх, ты, выдра тебя загрызи!.. Ваша сестра хитра, а солдат еще подковыристее...

Обобрал заодно сачком раков, что вокруг мяса на палке кишмя-кишели, да скорее в лозу, чтобы ножки обутые скрыть.

Вынырнула русалка, в ручку сплюнула. - полон рот тины, в другой горсти земчуг белеет. Бросил он ей фуражку, не самому ж подходить:

- Сыпь, милая... Да дуй полным ходом к камешку, гармонь в сапоге-то, чай, на лунном свете давно высохла.

Поплыла она наперерез, а солдат скорее за фуражку, земчуг в кисет всыпал, - вот он и с прибылью...

Доплыла она, шлендра полоротая, на камешек тюленем взлезла, да как завоет,

- будто чайка подбитая:

- Ох, ох! А сапог-то мой где? Водяник тебя задави-и!..

А солдат ей с пригорка фуражечкой машет:

- Сапог на мне, гармонь при мне, а за земчуг покорнейше благодарю! Танюша у нас сухопутная в городе имеется, как раз ей на ожерелко хватит... Счастливо оставаться, барышня! Раков, ваших подданных, тоже прихватил, -

фельдфебель за

ваше здоровье попускает...

Сплеснула русалка лунными руками, хотела пронзительное слово загнуть, - да какая уж у нее супротив солдата словесность.